

3. Foster, M.B. "Christian Theology and Modern Science of Nature (I)." *Mind* 43 (1935): 439-66.
4. Foster, M.B. "Christian Theology and Modern Science of Nature (II)." *Mind* 45 (1935): 1-27.
5. Foster, M.B. . "The Christian Doctrine of Creation and the Rise of Modern Natural Science." *Mind* 43 (1934): 446-68.
6. Henry, John. "Voluntarist theology at the origins of modern science: a response to Peter Harrison." *History of Science* 47, no. 155 (2009): 79-113.
7. Peck, Robert David. *The Apologetic Philosophy of Michael Beresford Foster*. (Doctoral dissertation). Berkeley: Pacific School of Religion, 1964.
8. Wybrow, Cameron, ed. *Creation, Nature, and Political Order in the Philosophy of Michael Foster (1903 – 1959): The Classic Mind Articles and Others, With Modern Critical Essays*. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1992.
9. Teel, Paul David Wilkinson. (2006). *Christian theology and the modern science of nature: a critical analysis of Michael Beresford Foster's Mind articles*. Retrieved from [Электронный ресурс] url: <http://dspace.library.uvic.ca:8080/handle/1828/2152?show=full> (дата обращения 02.03.2014)

Проскурина Т.Д.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

Л.Н.ТОЛСТОЙ И ЕГО ПОНИМАНИЕ «ДИАЛЕКТИКИ ДУШИ» КАК ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА СТРУКТУРУ ЧЕЛОВЕКА

Людей всего мира до сих пор поражает в творчестве Л.Н. Толстого духовная сила подлинности, его нравственной целостности. Соприкасаясь с Толстым, человеческая душа подзаряжается и испытывает духовные наслаждения и духовные страдания, связанные с мистическими откровениями писателя.

По утверждению Н.А. Бердяева, Л.Н. Толстой был счастливецом по пониманию мира, ему даны были все блага мира сего: слава, богатство, знатность, семейное счастье. И он был близок к самоубийству, так как искал смысла жизни и Бога. Он не принимает жизни без ее смысла. А инстинкт жизни был у него необычайно силен и свойственны ему были все страсти. В его лице господская Россия, высший культурный слой обличает неправду своей жизни [8,362].

Однако к 50-ти годам жизни Толстой сам заявлял в «Исповеди» (1882 г.) иное: «Со мной случился переворот, который давно готовился во мне, и задатки которого всегда были во мне ...»[2, 36-37].

Состояние мужа Софья Андреевна поняла по-своему: «Что-то пробежало между нами, – писала она в дневнике по этому поводу, – какая-то тень, которая разъединила нас...»(5,84). Члены семьи тоже

видели и понимали болезненное состояние Толстого, о чем пишет в воспоминаниях сын Лев Львович: «Мне было около 6-7 лет во время страшного кризиса отчаяния и ужаса перед лицом жизни, <...> который переживал отец. Это было между 1876-1880 годами. <...> В течение этого периода мой отец неожиданно погрузился в верования Православной церкви» [6, 23].

Но обращение Толстого к религии было нелегким и непростым. Еще 27 февраля 1874 года Лев Николаевич, делая наброски о своем понимании веры, писал: «Я ищу, <...> хочется проникнуть в тайну того, что значит та жизнь, которую я прожил, и еще большую тайну того, что ожидает меня в том месте, к которому я стремлюсь» [1, 50, 171]. В «Воине и мире» он не раз отмечал, что идея добра неразрывно связана с признанием Бога как «причины причин». Его герой Пьер Безухов говорит Андрею Болконскому: «Ежели есть Бог и есть будущая жизнь, то есть Истина, есть добродетель, и высшее счастье человека состоит в том, чтобы стремиться к достижению их. Надо жить, надо любить, надо верить, что живем не иначе только на этом клочке земли, а жили, и будем вечно жить там, во всем (он указал на небо)...» [3, 4, 287].

Стремление к вершине жизни, устремленность к ее высотам – характерное свойство могучего духа. Толстой обладал этим свойством и стремился отразить заложенное свыше в человеческую душу желание подняться над собой: «Во мне, я чувствую, вырастает новая основа жизни, писал он, <...>. Эта основа есть служение Богу, исполнение Его Воли по отношению к той Его сущности, которая есть во мне» [1, 50, 170].

К концу семидесятых годов XIX писатель находился на вершине миропонимания и творчества. Само переживание пика земной жизни звало его к величайшим свершениям, однако этот пик жизни, как замечает И. Мардов, он не праздновал, он «мучился родами» [9, 31].

В своем духовном рождении Лев Толстой впервые реально пережил трансперсональный опыт соприкосновения земной жизни с жизнью вечной. Это произошло в нем «прорывом», прозрением. В момент духовного рождения Толстой познал какой-то Свет, он решил, что он узрел Свет вечной жизни, и понял, что в Свете этом заключен замысел жизни как таковой, ее разгадка и ее закон. Он определил это явление как «Разумение жизни» [1, 56, 19], позже, уже в 80-х годах, называл это понятие «Разумное сознание» [1, 49, 75], употребляя его в значении заданного смысла. Самостоятельно изучив греческий язык, Толстой работает над «Соединением и переводом 4 Евангелий», тратит на него всю мощь своей души и своего гения. На переосмыслении евангельских текстов им было создано и развито мистическое учение. Свое религиозное учение Толстой обосновывает на вере в любовь: «Жизнь настоящая состоит только в любви, она исходит из любви и продолжается любовью»

[1, 23, 732]. Сначала Толстой поверил и полюбил евангельскую любовь, а потом осмысливал ее мистически и метафизически.

Для Толстого понимание «спастись» – это значит то же, что достичь некоторой вершины жизни, но только вершины не мнимой, а подлинной и жизни не земной и тоже подлинной, т.е. бессмертной. Целостность человека, по Толстому, обеспечивается единством жизни. «Жизнь животную» Иисус называет смертью. Живое только то, что сознает свое Божество. Люди не должны смотреть на себя как на живые существа только лишь потому, что они движутся, едят, но потому, что они осознают себя сынами Бога [1, 24, 325]. Смерть лишь нарушение жизни, свойственное земному существованию. Жизнь без нарушений – это жизнь бессмертная, вневременная. Грешить, утверждает Толстой, способна только низшая душа. Ущербную земную жизнь можно назвать смертной жизнью или смертью. «Животная личность» у Толстого – это все то в человеке, что живет жизнью-смертью. Истинная жизнь проявляет себя верой, любовью, добром и совестью, неистинная – страстями и похотями. Духовное рождение и состоит в том, что человек создает подлинность и неподлинность жизни в себе.

Вера Толстого – это вера в высшую душу человека, способную на духовное рождение. «Идет борьба между духовной и животной Я. И все, что я приобрету для первого, на все это я ослаблю вторую. С одной чаши весов перекладываю на другую [1, 53, 190]. Но, отмечает Толстой, из погибели «физического Я» вылупляется «Я духовное» [1, 51, 14].

В романе «Анна Каренина» Толстой с художническим мастерством гения представляет сущность двойственности человеческой души. Анна говорит мужу в предсмертном бреду: "*Я все та же... Но во мне есть другая, я ее боюсь – она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та не я. Теперь я настоящая, я вся* [4, 8, 452]. (Курсив мой -Т.П). Анна осознает присутствие в ней самой *того, что* она не в состоянии победить, изгнать из себя. "**Я** – как натянутая струна, которая должна лопнуть" – предчувствует гибель своего духовного я Анна [4, 8, 468] (Курсив мой – Т.П). Воскресение духовного я Анны было произведено ощущением близости смерти, и как только опасность миновала, Каренин заметил, что она тяготится им. Вскоре Анна скажет Вронскому: "Да, ты овладел мною и я твоя..." [4, 8, 476] Постоянное желание Анной любовных наслаждений, ее заявление, о том, что она не хочет и не может быть ничем, кроме как любовницей Вронского, делает ее заложницей плотских наслаждений. М.С. Громека утверждал, что "Анна умерла потому, что в ней угас источник жизни, в ней умерла любовь. Анна разлюбила все, кроме своего прелестного тела и в нем тела чувственного Вронского» [10, 32]. Нарушение Анной Божественного закона привело ее к забвению Бога, а значит к восприятию мира, как царства хаоса, от которого спасение –

смерть. Судьба давала Анне возможность во время родов спасти свою душу, примириться с Богом и людьми, но животная личность победила в Анне.

Толстой приходит к выводу, что коллективная жизнь людей управляется движением жизни не *духовного я*, а *животной личностью*. Он сам был в ужасе перед этой метафизической силой, силой совокупной животной личности, которая безраздельно правит в мире людей и которая, как объяснено в работе "В чем моя вера?" есть главное зло этого мира.

Современники Толстого осознавали глубину мировосприятия им: «Серьезность Вашего тона просто страшна, писал Н.Н. Страхов Толстому в марте 1877 года, – такого серьезного романа еще не было на свете» [7, 83].

И действительно, Толстой ощущал не только пагубное влияние извне на сознание и духовное состояние людей, но и неотвратимость противостояния метафизической силе зла, которая воздействует на душу всякого человека разрушительно. Чем дольше жил Толстой, тем лучше понимал, что в мире существует жестокое противостояние мирских людей, людей низшей души, и Божьих людей, людей высшей души. В жизни этой люди должны страдать, если живут для Царства Божьего, потому что мир любит своих, а Божьих ненавидит. Всегда было так, что мирские люди мучили тех, кто исполняет волю Отца. Отсюда создается впечатление, что высшую душу являет человек, уходящий из земной жизни, но это не совсем так. Наиболее ярко проявляется высшая душа во входящем в земную жизнь человека в младенце, в малом ребенке. «Дети, приходя оттуда, еще ясно чувствуют эту жизнь и ее единственное вполне доступное нам проявление в любви» [1, 56, 165]. Со временем высшая душа в человеке забивается хотениями низшей души и постепенно меркнет. Всю человеческую жизнь от рождения до смерти Толстой представляет как параллельное развитие двух существ или двух душ в человеке. Но и в детстве, когда низшая душа развивается быстрее, чем высшая, когда развитие их идет «почти вместе» [1, 88, 263] человек не в состоянии различать их в себе, «разделить эти слипшиеся я». Именно такое представление о человеке придавало объемность художественному взгляду Толстого, которое составляет основу характерного толстовского проникновения в человека. Таинственная художественная сила толстовской «диалектики души» многим обязана его особому взгляду на структуру человека.

И сегодня мы еще раз убеждаемся, что гений Толстого неисчерпаем, его творчество и размышления даны нам на все времена.

Литература

1. Толстой Л.Н. Полн.собр.соч. – М.:1928-1958. – Т.23.
2. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. – Т 17. – М.:Худ лит-ра, 1984.

3. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. – Т 4. – М.:Худ лит-ра, 1984.
4. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. – Т 8. – М.:Худ лит-ра, 1984.
5. Толстая С.А. Дневники. В 2 т. – Т.1. – М., 1978.
6. Концевич И.М. Истоки душевной трагедии Л.Н.Толстого. М., 1982.
7. Переписка Л.Н.Толстого со Страховым 1870-1894. – СПб, 1914.
8. Бердяев Н.А. Ветхий и Новый завет в религиозном сознании Л.Толстого / Русские мыслители о Льве Толстом. – Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2002.
9. Мардов И.Б. Лев Толстой на вершинах жизни – М.: Прогресс-Традиция, 2003.
10. Громека М.С. Последнее произведение графа Л.Н.Толстого. – М., 1884.

Пчелинов-Образумов А.А.

*Государственный архив Белгородской области
Белгород, Россия*

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТОВ ПОМОЩИ РОССИЙСКИМ ДОБРОВОЛЬЦАМ В ВОЙСКАХ ФРАНКО (1937-1939)

С началом Гражданской войны в Испании (1936-1939 гг.) перед многими российскими белоэмигрантами остро встала не только проблема оценки и осмысления событий, происходивших за Пиренеями, но и вопрос об активном участии в них. За время конфликта через вооруженные силы Франко прошло около семидесяти российских волонтеров-эмигрантов, принимавших участие в боевых действиях практически на всех фронтах Испанской войны.

Одной из актуальных проблем для активной части правого лагеря Российского Зарубежья стал вопрос о материальной поддержке соотечественников, находившихся в армии испанских националистов. Осенью 1937 года архимандрит Иоанн Шаховской – «духовник русского белого воинства в Испании» обратился к российской диаспоре в Германии с воззванием о помощи русским белоэмигрантам, воевавшим на стороне Франко [3, 7].

5 октября 1937 г. редакция журнала «Часовой» – органа Русского Общевоинского союза (крупнейшей антисоветской военизированной организации Российского Зарубежья) объявила о создании «Фонда помощи русским воинам в Испании» и начале сбора средств [4, 6]. Деньги принимались в редакции журнала, его парижской конторе и «во всех русских национальных газетах» [4, 6]. Первый взнос в размере 150 злотых поступил от российской диаспоры в Польше, второй – редакция